

Нулевая форма. Нулевой знак?

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина /
Институт языкознания РАН / Московский педагогический государственный
университет; fagraey64@hotmail.com

В описаниях русской грамматики представление о том, что глагол *быть* в настоящем времени имеет нулевую форму, укоренено столь же крепко, как представление о нулевом окончании им. п. ед. ч. м. р. у слов типа *супруг, чурбан, микроб*. О наличии у глагола *быть* нулевой формы $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в учебниках говорят просто как об особенности русского языка, описываемого относительно простым способом, см. Пешковский 1928: 303, Лекант 2015: 75, Ильенко 2016: 73. Это, по-видимому, объясняется тем, что понятие нулевой формы было предложено А. М. Пешковским в рамках решения практической задачи — создания рационального описания русской грамматики, которое может быть внедрено в преподавании.

Русская лингвистика не обосновала альтернативы гипотезе о том, что у глагола *быть* есть нулевая форма. Толковые словари, начиная с В. И. Даля (1880 I: 523), уверяют, что настоящего времени у *быть* нет... за исключением формы *есть*. Эти два утверждения плохо сочетаются, вдобавок словари Ушаков 1935: 214, 218, Евгеньева 1999 I: 130, 468, Ожегов, Шведова 1992: 64, 191 наряду со статьей *БЫТЬ* предлагают и статью *ЕСТЬ*, как бы сомневаясь в том, принадлежит ли последняя форма к парадигме *быть* или является особым глаголом. В статье о *БЫТЬ есть* названо формой 3 л. ед. ч., но статья *ЕСТЬ* сообщает, что *есть* распространилось на все лица и числа «в силу утраты наст. вр. глагола *быть*» (sic). Избежать введения нуля можно, объявив парадигму *быть* дефектной, ср. определение морфологической дефектности в Зализняк 1967: 30, 99–100. Но предполагаемый нуль $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} не распределены по лицу и числу, поэтому гипотеза о дефектности применима лишь при условии, что из парадигмы *быть* исключается не только $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, но и *есть*^{BE.PRES}, для чего не видно прямых оснований. В «Грамматическом словаре» А. А. Зализняк (1977: 133) постулировал для *быть* презентную парадигму из двух ненулевых форм {*есть, суть*}, вторая из которых определяется как вариант 3 л. мн. ч., возможный в научных и архаичных текстах. Но если *есть* и *суть* — часть пара-

дигмы *быть*, к ней следует отнести и $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, поскольку в ряде контекстов форма $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ обязательна, а ее замена на *есть* и *суть* не проходит, см. (1)–(2). В прош. и буд. времени, как указал еще А. М. Пешковский, $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в той же позиции заменяется ненулевой формой, см. (3)–(4). Оба довода — невозможность субституции $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в (1)–(2) и предполагаемое тождество синтаксической позиции $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в (1)–(2) и форм *был*, *были* в (3)–(4) — помогают идентифицировать $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ как форму наст. вр. *быть*, включенную в ряд $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / *был*, -а, -о, -и / *буд-ет*, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут на тех же основаниях, на которых ненулевая форма *есть*^{BE.PRES} включена в ряд *есть*^{BE.PRES} / *был*, -а, -о, -и / *буд-ет*, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут.

- (1) *Вася* $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / *есть^{BE.PRES} *умен*.
 (2) *Вася и Катя* $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / *есть^{BE.PRES} / *суть^{BE.PRES.3PL} *умны*.
 (3) *Вася* *был*^{BE.PAST.SG} *умен*.
 (4) *Вася и Катя* *были*^{BE.PAST.PL} *умны*.

Итак, гипотеза о нулевой словоформе подкрепляется двумя фактами: 1) обязательностью $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в ряде контекстов, где другие формы глагола *быть* недопустимы; 2) включением $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в закрытый ряд, где нуль чередуется с ненулевыми словоформами прош. и буд. вр., предположительно занимающими те же позиции. Проверим, насколько синтактика $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ согласуется с критериями выделения нулевых знаков выше уровня морфемы. Примем без доказательств, что процедура выделения синтаксических нулей всегда опирается не только на семиотику, но и на представление о разных уровнях репрезентации предложения, см. Циммерлинг 2002: 565, 2018: 14. В данной заметке нас будет интересовать то общее, что объединяет нулевые словоформы и нулевые морфы.

Понятие нулевого знака восходит к Bally 1922, Балли 1955: 177. В статье Jakobson 1939, первоначально опубликованной в фештшифте Ш. Балли, а также в позднейших статьях Jakobson 1959, Якобсон 1985: 231–238, Р. О. Якобсон трактует грамматику как область обязательных противопоставлений. Строгое определение критерия обязательности для элементов плана содержания дано в Зализняк 1967: 25. В Плунгян 1994 доказывалось, что область применения гипотез о нулевой морфеме ограничена словоизменительными категориями, элементы которых в плане содержания, но не в плане выражения одинаково сложны и образуют эквиополентную оппозицию. В этом случае грамматический признак может выражаться нулем, который является обязательным средством реализации некоторого обязательного элемента значения. И. А. Мельчук (1995: 189) соглаша-

ется считать сочетание вида «нулевой X» термином, если оно отсылает к *знаку* или *множеству знаков*. Между нулевым знаком на уровне морфологии и на уровне синтаксиса, по И. А. Мельчуку, особой разницы нет: нулевую лексему можно вводить, если налицо особая синтактика и уникальное означаемое. Нулевые лексемы $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ лишены синонимов в русском языке (ibid., 182), а нулевая словоформа *быть* отличается от $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ лишь тем, что включена в парадигму, где есть ненулевые элементы, в то время как парадигма нулевой лексемы включает только $\{\emptyset\}$ (ibid., 178). Но здесь возникает проблема.

Уникальное означаемое для $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ нащупать трудно. Во-первых, синтактика $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} не соответствует распределению связочных и несвязочных контекстов: у *есть*^{BE.PRES} есть связочные употребления, см. Апресян 1996: 528, а у $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ — полнзначные, см. Тестелец 2008: 774, Дымарский 2018. Поэтому отнесение русского к классу *языков с нулевой связкой* в Benveniste 1960, Бенвенист 1974: 229, Evreinov 1973, Stassen 1994 — огрубление: современный русский — *язык с нулевой формой глагола 'быть'*, которая реализуется и в позиции связки, и в позиции полнзначного глагола. Во-вторых, $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} порой конкурируют в одном и том же окружении, ср. (5а–б), (6а–б), (7а–б). Можно допустить, что $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} нигде не синонимичны, но в парах (5а–б), (6а–б), (7а–б) реализуется одно и то же семантическое отношение: для (5) это *отчуждаемое обладание* (X имеет Y-а, который не является собственной частью X-а), для (6) — *бытийность* (в Y-е наличествует X) для (7) — *локализация* (X находится в Y-е).

(5) а. У тебя $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ квартира в городе.

б. У тебя *есть*^{BE.PRES} квартира в городе.

(6) а. Во втором отзыве — $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ замечания.

б. Во втором отзыве *есть*^{BE.PRES} замечания.

(7) а. Замечания — $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ во втором отзыве.

б. Замечания *есть*^{BE.PRES} во втором отзыве.

Члены пар (5а–б), (6а–б), (7а–б) отличаются набором импликатур. Как показано в Янко 2000, предложения с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ типа (5а) используются для обоснования поведения: в этом контексте варианты типа (5б) неуместны¹.

¹ Тестом может служить реплика У меня $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ жена, дети из анекдота, где говорящий объясняет, почему принял такое-то решение (X боялся за своих детей). Вариант с *есть* тут исключен: — Почему ты прыгнул? — *У меня есть жена, дети.

Предложения локализации с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ типа (7а) оправданы, когда говорящий подсказывает слушателю, какой отзыв зачитывать, в то время как варианты с *есть* типа (7б) подчеркивают, что наличие замечаний именно во втором отзыве — свойство, которое отличает его от первого. Эти смыслы идиоматичны и могут рассматриваться как характеристики параллельно существующих конструкций, т. е. выражений, где значение целого не является суммой значения частей. Но тогда значение конструкций с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ нельзя вывести из семантики нулевой формы. Негативный результат ожидаем, поскольку там, где $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ обязательно, прагматических эффектов вроде представленных в (5а), (6а) и (7а) нет.

Итак, требование уникальности означаемого для нулевой формы *быти* в русском языке не выполняется. А. М. Пешковский (1928: 302) утверждал, что гипотеза о нулевой словоформе приложима к древнерусскому языку с оговоркой, что нулевая связка сигнализировала значение 3 л. Точное описание дал А. А. Зализняк, который выделил в группе древнерусских памятников контексты трех типов. В контекстах типа I (перфект с л-причастием) связок 3 л. нет. В контекстах типа II (именное сказуемое) связки *быти* в 3 л. факультативны. Наконец, в контекстах типа III (полнозначный глагол) формы 3 л. наст. вр. глагола *быти* не опускаются, см. Зализняк 2008: 37, 236. Это распределение можно записать в нотации с нулевой формой ($\emptyset$).

	I: <i>быти</i> как связка в л-перфекте			II: <i>быти</i> как связка в именном сказуемом			III: <i>быти</i> как полнозначный глагол		
	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>
2 л.	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>
3 л.	$\emptyset$ * <i>есть</i>	—	$\emptyset$ * <i>суть</i>	$\emptyset$ / <i>есть</i>	—	$\emptyset$ / <i>суть</i>	<i>есть</i>	—	<i>суть</i> * $\emptyset$

Таблица 1. Распределение нулевой и ненулевых форм *быти* в наст. вр. в идиоме древнерусского языка, по Зализняк 2008

Наиболее важны два параметра. 1) $\emptyset$ в описываемом состоянии древнерусского языка не распространяется на 1–2 л., где ненулевые формы обязательны во всех типах контекстов; 2) в 3 л. есть предложения (с л-перфектом), где нулевая форма обязательна. Еще один довод в пользу признания $\emptyset^{\text{BE.3P}}$ частью парадигмы *быти* состоит в том, что нулевая словоформа 3 л. употреблялась в древнерусский период и в ед. ч., и во мн. ч., в то время как *есть* и *суть* были привязаны к 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., соответственно. Современное русское *есть*, как и $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, употреб-

ляется во всех лицах, что не дает возможности присвоить $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ морфосинтаксическую помету, отличную от пометы ненулевых форм.

Распределение контекстов для *быть* в ситуации внутриязыкового варьирования — ‘+’ = ‘нулевая форма обязательна’ ~ ‘-’ = ‘нулевая форма исключена’ ~ ‘±’ = ‘нулевая форма возможна’ — напоминает распределение морфологических нулей в сходной ситуации. Ср. формы ед. ч. вин. п. у слов м. р. в русском языке начала XIV в., где в одной группе слов требовалось окончание *-a* (имен. п. *ноп-∅* : вин. п. *ноп-a*), в другой было обязательно нулевое окончание (имен. п. *осетр-∅* : вин. п. *осетр-∅*), а в третьей допускались оба варианта (имен. п. *осетрник-∅* : вин. п. *осетрник-∅/-a*). Если нулевой и ненулевой морф распределены в соответствии с некоторым семантическим или прагматическим признаком, ситуация описывается моделью *дифференцированного маркирования аргументов*, если же такой признак выделить не удастся — моделью *алломорфии*. Наша иллюстрация соответствует модели дифференцированного маркирования: слова, требующие $-a^{\text{ACC.SG}}$, имеют характеристику ‘+ одушевленность/личность’, слова, требующие $\emptyset^{\text{ACC.SG}}$ — характеристику ‘-одушевленность/личность’, а находящимся в зоне колебаний словам типа *осетрник* ‘человек, занимающийся выловом осетра’ в данную эпоху можно приписать значение ‘±одушевленность’. Для признания $\emptyset^{\text{ACC.SG}}$ элементом падежного ряда достаточно слов типа *осетр*, у которых нулевой морф является обязательным средством выражения обязательного элемента значения ‘вин. п. ед. ч.’. Но для определения «различительного потенциала» нулевого морфа важна синтактика всех морфов вин. п. ед. ч. в словах типа *осетрник* и *ноп*: без нее нельзя установить, сигнализирует ли нуль обязательный элемент значения ‘вин. п. ед. ч. & неодушевленность’.

Назовем эти два аспекта синтактики *слабым* и *сильным* подтверждением статуса нулевого знака. Нулевая словоформа $\emptyset^{\text{BE.3P}}$ в древнерусском языке — сильно подтверждаемый элемент парадигмы *быти*, ее характеристика {-1, 2 л.; +связка} отличается от характеристик *есть* {-1, 2 л.; +ед. ч.; ±связка} и *суть* {-1, 2 л.; +мн. ч.; ±связка}. Нулевая словоформа $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в современном русском языке — слабо подтверждаемый элемент парадигмы *быть*. И в русском, и в древнерусском нулевая словоформа реализуется в ситуации варьирования: в части контекстов нуль конкурирует с ненулевой формой, но описание таких случаев в терминах эллипсиса неэкономно и контринтуитивно. Напротив, гипотеза о нулевой форме, как показывает опыт применения данного понятия в русистике, является попыткой обосновать взаимодействие грамматики и словаря: особая синтактика нулевой словоформы связывается с особенностями парадигмы конкретных лексем.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1996. Лексикографические портреты (на материале глагола *быть*). В кн.: Ю. Д. Апресян. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: ЯСК, 518–537.
- Балли Ш. 1955. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
- Даль В. И. 1880. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. 2-е изд. М.: М. О. Вольф.
- Дымарский М. Я. 2018. А у меня в кармане гвоздь. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? *Мир русского слова*, №3, 5–12.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1999. *Словарь русского языка*. В 4-х т. 4-е изд. М: Русский язык.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Зализняк А. А. 1977. *Грамматический словарь русского языка*. М: Наука.
- Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: ЯСК.
- Ильенко С. Г. (общ. ред.). 2016. *Современный русский язык: синтаксис. Учебник для академического бакалавриата*. М.: ЮРАЙТ.
- Лекант П. А. 2015. *Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке*. М.: МГОУ.
- Мельчук И. А. 1995. Syntactic or Lexical Zero. В кн.: *Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст»*. М.; Вена: ЯСК; Венский славистический альманах, 169–211.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1992. *Толковый словарь русского языка*. М.: Издательство «Азъ».
- Пешковский А. М. 1928. *Русский язык в научном освещении*. 3-е изд. М.-Л.: Государственное издательство.
- Плунгян В. А. 1994. К проблеме морфологического нуля. В сб.: Беликов В. И. и др. (ред.). *Знак. Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журинского*. М.: Рус. уч. центр МС, 148–155.
- Тестелец Я. Г. 2008. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке. В кн.: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.). *Динамические модели: Предложение. Текст. Сб. Статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: ЯСК, 773–789.
- Ушаков Д. Н. (ред.). 1935. *Толковый словарь русского языка*. Т. I. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Циммерлинг А. В. 2002. *Типологический синтаксис скандинавских языков*. М.: ЯСК.
- Циммерлинг А. В. 2018. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. *Вопросы языкознания*, №5, 7–33.
- Якобсон Р. 1985. *Избранные работы*. М.: Прогресс.
- Янко Т. Е. 2000. Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть*. В кн.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки пространств*. М.: Индрик, 2000, 198–211.

- Bally Ch. 1922. Copule zéro et faits connexes. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, n. 23, 1–6.
- Benveniste É. 1960. 'Etre' et 'avoir' dans leur fonctions linguistiques (*Bulletin de la Société de linguistique*, t. LV). Paris: s. n.
- Evreinov I. 1973. Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula im Russischen. *Linguistics*, v. 98, 41–57.
- Jakobson R. 1939. Signe zero. In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Genève: Georg.
- Jakobson R. 1959. Boas' view of grammatical meaning. In: W. Goldschmidt (ed.). *The anthropology of Franz Boas (Memoirs of the American Anthropological Association, n. 89)*, 139–145.
- Stassen L. 1994. Typology versus mythology: The case of the zero copula. *Nordic Journal of Linguistics*, v. 17, 105–126.

В А П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

МЕГАСБОРНИК НАНОСТАТЕЙ

13 СЕНТЯБРЯ

2020

УДК 81-13
ББК 81
В12

В12 ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плуногяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. — М.: «Буки Веди», 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4465-2882-0.

В сборник, приуроченный к юбилею Владимира Александровича Плуногяна, вошли краткие этюды, посвящённые разным областям лингвистики — среди них морфология, стиховедение, семантика и прагматика, корпусная лексикография, ареальная лингвистика, типология, разнообразные глагольные категории, синтаксис и дискурс. Все эти сюжеты так или иначе связаны с многосторонней научной деятельностью юбиляра.

ББК 81

*В оформлении переплёта использована репродукция картины Клода Моне
«Антиб, старая крепость» (1888)*

ISBN 978-5-4465-2882-0

9 785446 528820 >

© Коллектив авторов, 2020